

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если хотите превратить кого-то в разъяренного тигра, просто скажите этому человеку: «Не нервничай».

— Ненавижу ее, — закричала Лена, — гадюка!

Я обняла подругу.

— Ну ты же не ждала от Галины Алексеевны сочувствия?

Лена вытерла ладонью лицо.

— Мать меня всегда терпеть не могла. Через месяц после моего появления на свет она меня спланировала в деревню к бабушке. Я там жила до смерти Евдокии Петровны.

Катя, которая до сих пор сидела молча, произнесла:

— Лен! Детство другим не сделаешь. Давай подумаем, как мы можем тебе помочь.

Но Яковлева не услышала ее слов, она продолжала:

— Господи! В Москву прикатил Маугли женского пола! В деревне я получала одни пятерки,

а в столице съехала на двойки. И понятно почему! В сельской школе уровень преподавания ниже плинтуса! Сколько сил и времени я потратила, чтобы поступить в театральный институт! И не вышло! Всяких уродов брали, потому что их родители подсуетились. А кому нужна талантливая девочка без блата? Когда меня в четвертый раз на первый курс не зачислили, я зарыдалась в коридоре. Ко мне подошла женщина и сказала: «Из тебя может получиться хорошая актриса, но, понимаешь, без нужных знакомств никак. Сейчас весь курс набрали только из своих. А за тебя никто не просил».

Катя посмотрела на меня:

— Знаешь, где у Лены валерьянка стоит?

— Нет, — смутилась я, — могу в аптеку сходить!

— Не уходи, — взвизгнула Яковлева, выбежала из комнаты, и до моего слуха донеслись неприятные звуки.

— Вот всегда ее на стресняке тошнит, — вздохнула Катюша, — а теперь объясни: что случилось? Егор другую бабу завел? Амеба оживилась и вильнула налево?

— Ты не в курсе? — поразилась я.

— Ленка позвонила в шесть утра и зарыдала, — начала Захарова, — а мне смену сдавать, я носилась с градусниками и таблетками. Попросила: «Давай через полчаса поговорим».

Яковлева в крик: «Нет на меня времени? Да пошла ты!» И отсоединилась. Ну никогда она так себя не вела! Ленка намного спокойнее меня. Я начала ей звонить, а она трубку не берет. Ну и после ночной я сюда рванула, а ты уже здесь.

— Заболела Лена, — уточнила я, — сейчас попытаюсь диагноз озвучить: умит... омефит... кривой вроде склероз!

— Боковой амиотрофический склероз? — прошептала Захарова.

— Точно, — кивнула я.

— О боже! — перекрестилась Катя.

Поскольку она никогда не ходила в церковь, то ее поведение сильно меня испугало.

— Что, все так плохо?

Захарова кивнула.

— Это прогрессирующее неизлечимое заболевание. Начинается, как правило, с поражения ног. Больные спотыкаются, на этой стадии они обычно идут к флебологу, думают: с венами что-то. Случается бульбарный БАС — неуправляемость громкостью речи, затруднение при глотании. Еще мышечный и латеральный.

Я повеселела.

— С этим можно жить. Я сама постоянно спотыкаюсь, частенько падаю, и ничего.

Катя поморщилась.

— Лампа, ты ногами загребаешь по причине природной косолапости и невнимательности,

не болезнь это! Неуклюжесть! А БАС ведет к полному параличу при сохранении умственных способностей. Представь, через какой ад проходит человек, когда медленно, но верно умирает, каждый день ему все хуже и хуже, и он понимает: лучше никогда не станет. На поздних этапах, когда отказывает дыхательная мускулатура, несчастного подключают к искусственной вентиляции легких, он питается через зонд.

— Ужас, — прошептала я, — но, наверное, есть лекарство?

— Один препарат, он продлевает жизнь на короткий срок, — сообщила Катя, — недавно второй появился. Есть еще HAL-терапия, но она разрешена только в Японии и Европе. В хосписе, где я работаю, лежит один мужчина с БАС. Уж лучше под трамвай попасть. В мире известны лишь два случая, когда эта пакость стабилизировалась и дальше не развивалась. Был такой ученый Стивен Хокинг. Он прожил почти восемьдесят лет. И один гитарист, не помню, как его зовут, американский музыкант. Он до сих пор жив¹. Остальные... Обычно от начала заболевания до конца проходит от трех до пяти лет. И поверь, лучше побыстрее умереть. Кто ей диагноз поставил?

---

¹ Джейсон Беккер — 1969 г. р.

— Не знаю, — прошептала я.

Послышалось шарканье, в комнату вернулась Лена, она пожаловалась:

— У меня одна нога как из ваты!

Катя опустила глаза, а я произнесла:

— В твоих тапках ходить невозможно. Я купила себе похожие и выбросила их. Ленуся, ты же к врачу обращалась?

Подруга кивнула.

— И к кому в итоге пошла? — оживилась Катя.

— К Галкину, — всхлипнула Яковлева.

Захарова повернулась ко мне.

— Это мой контакт. Лена мне позвонила, спросила, к кому лучше обратиться по поводу судорог в ногах. Я посоветовала Игоря Михайловича. Прекрасный невролог. Лучший! Владелец клиники «Роза надежды». Мировая величина, профессор, доктор наук. Его вся Европа приглашает на консультации.

— Я поправлюсь, да? — обрадовалась Лена.

Катя натужно заулыбалась:

— Ну... э... понимаешь...

— Лечение долгое, — перебила я Захарову, — непростое, но главное — найти опытного специалиста. Если Галкин хорош, то надо за него держаться.

— Он гений, — заявила Катюша. — А как у тебя все стартовало?

Лена села за стол.

— Стало сводить ноги. Голени. Да так сильно. Больно жутко. Днем скручивало, потом и ночью стало. Пришлось вставать, по спальне ходить. Егор сердится, я мужу спать мешаю, у нас комнаты разные, но ему все равно слышно. Я пробовала оставаться в кровати, но так выламывает, что плакать хочется. Аня, коллега по работе, посоветовала мне пить травяной сбор, но он не помог. Я сбегала к районному терапевту, та фигню понесла: «Запишитесь на массаж, у вас грыжа позвоночника». Я к флебологу, а он не лучше той дуры, заявил: «По моей части проблем нет!» Я задала вопрос: «К кому мне еще обратиться?» Не поверите, что кретин посоветовал: «Запишитесь в спортзал, укрепляйте спину и ноги. У вас не мышцы, а кисель». Я позвонила тебе и потопала к неврологу. Спасибо, Катюша, он замечательный. Провел обследование, сообщил, что у меня кривой склероз.

— Боковой, — поправила Захарова.

— Он сказал: «Мы поборемся», — частила Лена, которую, похоже, отпустил ужас. — Кать, я же завтра не умру?

— Нельзя исключить, что ты не попадешь в автокатастрофу, не упадешь на лестнице, не сломаешь шею, — ответила Захарова, — но от БАС не наступает скорая смерть.

— Галкин говорил, что должно появиться новое лекарство, — воскликнула Лена.

Екатерина закашлялась.

— Он прав, — кивнула я, — перестань паниковать, начинай лечиться.

— Сначала я не истерила, — сказала Яковлева, — подумала: со склерозом полно людей. Мамаше своей про этот кривой склероз сообщила. А та в интернете прочитала, что я завтра покойницей стану, и приказала: «Завещание на меня составь». Я испугалась до жути, стала вам звонить.

— Не ходи в Сеть, — посоветовала я.

— Нет, нет, я даже не открою поисковик, — пообещала Лена, — Игорь Михайлович предупредил: «Узнаю, что полезли по разным местам в интернете, не буду с вами возиться. Не надо пока родне и друзьям говорить о вашем диагнозе. Вокруг идиотов легион, помогать не станут, а пугать — с радостью».

— Правильно, — одобрила Катя, — молодец Галкин.

— Егор тоже не будет в Сети шариться, — сказала Леночка, — он даже онлайн-магазином не пользуется. Мужа в соцсетях нет.

— Зато он гениальный художник, — воскликнула Катя. — Лампа, а ты как считаешь?

— Егор талантлив, — согласилась я, — правда, в его картинах я ничего не понимаю! Мне

нравится, когда дерево — дерево, а человек — человек. А у него елки железные, на них квадратные бумажные апельсины висят, люди со страусиными ногами, руками-лапами.

— На Западе его называют «современный Босх», им восхищаются, полотна покупают, семья за счет Егора живет, — заметила Катя, — все творческие люди на башку долбанутые. Но когда мужик громадные деньги загребает, то ему все простить можно.

Елена вздохнула.

— Кать! Ты права, любую работу Гоши на Западе сразу купят. Платят иностранцы моему мужу много. Даже после всех отчислений большая сумма останется. Но ты учти: ее надо растянуть на несколько лет! Егор медленно работает, и в России он совсем непопулярен..

Захарова погрозила Лене пальцем.

— Шестикомнатная квартира, плюс отдельная мастерская, машина, полный кошелек, отдых на лучших курортах — все тебе Егор обеспечивает.

— Ну... не совсем, — возразила Лена.

— Хочешь сказать, что ты за сидение на ре-сепшен в фитнесе миллионы огребаешь? — засмеялась Катя.

— Зарплату я получаю хорошую, но она вся уходит на насущные нужды, — призналась Яковлева.

У Захаровой зазвонил телефон. Она схватила трубку:

— Да. Ой! Совсем забыла! Бегу! Все! В голове моей опилки! Коллега неделю назад просила заменить ее, а я после работы полетела сюда. Забыла про вторую смену. Всех люблю, еще увидимся.

Когда Екатерина умчалась, Леночка взяла меня за руку.

— А ты помнишь, что мне обещала?

— Конечно, — ответила я, — завтра в полдень приеду в студию.

Яковлева молитвенно сложила руки.

— Только на две недели, пока Галкин проведет все обследования.

— Нет проблем, — ответила я, — не беспокойся!

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день утром мы с Вульфом завтракали вместе. Я рассказала мужу о болезни подруги

— Амиотрофический склероз? — повторил Макс. — Жуть! Не повезло Лене! Хорошо, что ты согласилась ей помочь.

— Когда я пообещала отработать вместо Лены, то ни на секунду не сомневалась, что справлюсь, — вздохнула я, — а сейчас думаю: вдруг накосячу? Подведу ее?

Макс начал намазывать на хлеб масло.

— Давай спокойно оценим ситуацию. Некоторое время назад Елена пошла учиться на пиарщика. Так?

Я кивнула:

— Ей надоело в фитнес-зале на ресепшен сидеть, захотелось профессию приобрести, зарабатывать приличные деньги. Вообще-то Лена мечтала стать актрисой, не один раз пыталась поступить в театральный вуз, но так туда и не

попала. Служила в разных местах секретарем. Последнее время сидела в спортзале. А недавно отправилась на курсы пиара и рекламы.

— Подожди, — остановил меня муж, — вроде Яковлева замужем за известным художником, работы которого покупают иностранцы. Наверное, он не бедный. Детей у них нет, за садик, школу не надо платить, одевать-обувать ребенка не требуется. Квартира есть, живут они скромно, никуда не ездят. Должно им на жизнь хватать.

— Верно, — согласилась я, — но Егор картины долго пишет. Вроде за одно полотно огромную сумму получил, но растянуть ее семье надо на несколько лет. И у него есть мамаша, не просит у сына денег, она их требует, приговаривая: «Я кормила тебя, поила, одевала, теперь твоя очередь мне помогать».

— Ну, она права, — встал на сторону пожилой женщины Макс, — пенсии-то крохотные.

— Маргарита Семеновна владеет то ли семьей, то ли десятью квартирами в Москве, — объяснила я, — и все они находятся не на задворках, а в Центральном округе. Ей хватает на кусок хлеба с маслом, икрой и пирожным в придачу. Учти, она нотариус, а это пожизненное звание. Если получила лицензию, то до смерти будет при деле, никто ее не уволит,

не выгонит. Зачем брать деньги у сына, когда своих много? Свекровь Лены редко приходит в гости, но всегда ведет себя по-хозяйски, открывает холодильник, комментирует его содержимое, отчитывает Лену. А у Егора трусливая позиция, он никогда жену не защищает, если после ухода гарпии Лена плачет от обиды, муж злится: «Вечно ты всем недовольна. Мама до сих пор работает, устает, на ней огромная ответственность лежит. Нотариус — это не девочка за стойкой у входа в спортклуб, там ума не надо».

— М-да, — крикнул Макс, — некрасиво это.

— Все, что Егор за картину получает, быстро уплывает, — не умолкала я, — и он своими деньгами сам распоряжается. Лене дает раз в месяц немного на хозяйство, и всегда со словами: «Трать аккуратно, я не олигарх». Средств, которые он выделяет, хватает дней на десять. Егор любит зимой клубникой побаловаться, из мяса только вырезку ест, он лакомка. Лена поэтому на ресепшен сидела, там неплохо платили. Но весь ее заработок уходил на семью. Лена поняла, что надо менять свою жизнь, пошла на курсы, отрыла в интернете объявление: «Талантливой певице требуется пиар-агент», и ее приняли на службу. Сегодня нужно приступать, а Яковлевой на обследование еще две недели ходить. Вот я пообещала

поработать вместо нее. Лена с продюсером звезды только переписывалась, фото паспорта ей отправила. Но в нем ужасный снимок. И мы похожи.

— Только издали и в темноте, — хмыкнул Вульф, — попробуй, авось прокатит. Лене можешь. Жалко ее!

— И не говори, — вздохнула я, — болезнь неизлечима, но есть шанс ее притормозить.

— Может, зря она из фитнеса уйти решила? — засомневался Макс. — Там стабильно платили. Как у певицы будет, неизвестно.

Я решила рассказать мужу про график Яковлевой.

— Спортзал начинает работу в семь, надо приехать к шести тридцати. Учти, на дорогу нужно сорок минут. Заведение находится в области в окружении богатых поселков, поэтому там оклад выше, чем в зале в спальном районе. Весь день на ногах, в форме, туфли на каблуке, улыбка на мордочке. На обед отведено полчаса. В восемь вечера можно уходить, в девять дома. Выходной один, плавающий. Отпуск — неделя. Бюллетень обязаны оплатить, но делают это неохотно. Если сотрудник болеет дольше десяти дней, найдут способ от него избавиться. Лена выяснила: даже начинающему пиар-агенту платят больше, чем ей сейчас. Вставать в четыре тридцать не надо, можно взять несколько

клиентов. Главное, начать, а там пойдет. Надеюсь, у меня получится изобразить великого пиарщика. Лене очень деньги сейчас нужны.

— У нее хорошо обеспеченная свекровь, — вспомнил Макс, — и мать не нищая. А муж, учитывая болезнь жены, должен заставить себя побыстрее картины писать.

Я махнула рукой:

— Мамаша Егора на лето всегда уезжает в Монако, у нее там квартира. Возвращается в конце сентября. Галина Алексеевна к дочери равнодушна, нельзя назвать ее любящей матерью. Егор никогда не изменит свой график написания полотен. Никто ради Лены свои интересы не ущемит! А ей так хочется получать хорошие деньги и не вскакивать в рань несусветную. Поэтому я решила прикинуться Яковлевой, надо ей помочь, мы много лет дружим. Около Лены сейчас еще только Катя. Она с Захаровой часто встречается.

— Я вернусь поздно, — сменил тему разговора Макс.

День покатился по привычным рельсам.

Вульф уехал, а я поспешила в ванную. Роза Леопольдовна ушла в магазин. Кису недавно отправили в лагерь с подружками. Мопсихи Фира и Муся спят на моей кровати. Все хорошо, я могу помочь Лене.